

Анна
КАТЕН

Она мне
НЕ НУЖНА

Ли́ла Катте́н
Она мне не нужна
Серия «Ненужные», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68458747

SelfPub; 2022

Аннотация

Стас Багров – моя первая любовь, за которую я заплатила слишком высокую цену. Однажды он снова появился на пороге моего дома, предлагая сделку. И хотя его семья разрушила мою, я не могу отказаться. Я стану лгуньей, ради спасения других. Снова. Он попросил стать его фальшивой невестой, а взамен сказал, что поможет моей сестре, исправить то, что натворил его отец... Правда сам Стас об этом не знает, как и то, что дочь, от которой он отвернулся на самом деле его ребенок.

Содержание

Глава 1	4
Год спустя	4
Глава 2	12
Стас	12
Глава 3	22
Алиса	22
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	55
Стас	55
Глава 8	64
Алиса	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ли́ла Катте́н

Она мне не нужна

Глава 1

Год спустя

– Алиса? – окликает меня строгий мужской голос, когда-то будоражащий до мурашек. Сейчас же вызывающий жуткий страх, несмотря на колко стучащее сердце от мысли что он пришел сюда.

– Стас? – его имя на моих губах обжигает и приносит боль, как и год назад.

Разворачиваюсь и сталкиваюсь с темным взглядом, пронизывающим меня насквозь, но оставляющим в душе ветер пустоты и боли.

– Что ты тут делаешь?

Нервно поправляю сумочку на плече, словно это поможет выглядеть не такой уставшей после бессонной ночной смены.

– Есть разговор, ты меня не пригласишь? – спускается со ступеней лестничного пролета ведущего на верхний этаж и подходит все ближе.

– Нет. Нам не о чем говорить с тобой.

Пячусь к двери квартиры, стараясь делать это незаметно. Если он пришел за дочерью, то я так просто не сдамся.

– Уверена? – вторгается в личное пространство, уменьшая его до молекулы. Нависает так, что я вновь ощущаю себя маленькой, какой всегда была рядом с ним. Но с этим чувством еще было и ощущение защищенности.

Вот только сейчас все это моя фантазия. Сейчас он моя опасность.

Я знала его как бизнесмена. Видела его сосредоточенность и желание заниматься этим делом. Я видела его как парня, который добивается девушку и того, кто, кажется, был влюблен. Я думала видела все его стороны. Но с ним как с человеком, который яро ненавидит я знакома не была. Видимо пришло время.

– Стас, что за игры? Ты пришел спустя год, для чего? – хватаюсь за ручку двери, когда он загоняет меня в ловушку выставленных рук по обеим сторонам от меня.

– Не веди себя глупо. Думаешь я не знаю о нем?

Его слова не так сильно удивляют, как... равнодушие. Холодный голос, и такой же тон, ровный и устрашающий.

– Но... О нем? Я родила дочь, Стас. Это она.

Его взгляд ненадолго теплеет, но после мне кажется, что это была моя фантазия не более.

– Я не имею понятия, кого ты там родила, поэтому говорю просто о ребенке. И поверь не планирую отнимать или

претендовать на то, что имеет ко мне весьма сомнительное отношение.

Знаю, что он имеет право на злость и обиду. Что может сомневаться. Но понимание того, что он так отзывается о своей малышке коробит и еще сильнее ударяет по моему сердцу. Но я не стану его переубеждать. Она была и останется лишь моей дочкой.

– Так мы можем поговорить?

– Говори. Внутри я тебя не пропущу, – встаю в позу, не очень-то воинственную, но все же.

– Алиса, не зли меня. Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать твои капризы. Это время давно прошло. А теперь открой чертову дверь, – он злился. Таким я не видела Стаса Багрова кажется никогда. Не со мной.

– Значит, ты не за ней... пришел?

– Хочешь, чтобы я повторил еще раз? – опускается на уровень с моим лицом и проговаривает по слогам мерзкие и ужасные слова. – Она. Мне. Не. Нужна. Так лучше?

Реагирую моментально. Потому что никому не позволю так говорить о моей девочке. Пренебрегать. Да, я боюсь того, что он может ее забрать, но вот так открыто не позволю.

Делаю замах, но ладонь не доходит до цели. Мужчина ловит руку и пригвождает меня к стене.

– Не смей даже пытаться еще раз такое провернуть, Алиса. После того, что ты сделала... – проговаривает сквозь зубы и со злостью отступает от меня, словно ему противно быть

рядом.

Выжидательно смотрит, будто ждет от меня хотя бы слово. Но я упорно молчу.

Однажды я была слишком громкой и в итоге стала причиной всех бед, которые свалились на голову моей семьи.

Больше не позволю страдать другим. Из-за меня.

Устало выдыхаю, потому что впереди забота о сестре и дочери, у меня нет времени даже на эти разговоры. Но я знаю одно – он не уйдет пока не скажет все что хотел.

Открываю хлипкую дверь, ничуть не стесняясь обстановки. В квартире тишина, значит все спят еще.

Быстро скидываю тонкую куртку и кеды, и так же бесшумно ступаю дальше.

Прохожу по узкому коридору и жду, когда он войдет в пространство маленькой кухни, чтобы закрыть дверь.

– Пожалуйста говори быстрее, я устала, а у меня ещё много дел, – облакачиваюсь на низкий подоконник, он же стоит в центре и осматривается.

Представляю, что он думает. Привыкший к роскоши мужчина, очутившийся в бедной квартирке.

– Много дел говоришь? Словно это ты руководишь многомиллионной компанией, – насмехаясь произносит свои колкие фразы.

Ну, конечно. Что еще он мог сказать.

– Нет, Стас. Я работаю на двух работах, а в промежутках сижу дома с маленькой дочерью и сестрой инвалидом, в на-

дежде накопить ей на операцию. Так что если тебе больше не о чем говорить кроме как рассуждать о сложности зарабатывать миллионы или на хлеб наскрести, то пожалуйста уходи. Мне нужно приготовить завтрак семье, а после ждёт ещё куча всего: стирка, глажка, уборка, сцеживание молока и процедуры с сестрой. А затем, когда стукнет пять вечера на часах я снова уйду на работу. И среди этого всего мне нужно выцепить хотя бы пять минут сна в сумасшедшем дне, потому что не сомкнула глаз за всю ночь. Но ты и беседы с тобой в мои планы никак не входят.

Он рассматривает меня очень пристально. Я знаю, что впалые щеки и синяки под глазами давно стёрли с моего лица ту беззаботную девчонку, какой я была год назад. Но мне не за что стыдиться. Я готова и дальше пахать, главное, чтобы это было не напрасно.

– Как удивительна жизнь, Алиса, – философски заявляет мужчина. – Ты уходила от меня к богатому козлу Егорову, а в итоге перебралась на окраину города в двушку с ремонтом из семидесятых.

Горло саднит от сдерживаемых слез. Но это не потому, что слышала всю эту грязь. Его слова меня больше не ранят.

Не так давно я поняла, что в жизни есть более болезненные и важные вещи чем расставание с парнем или отчисление из института.

Я хочу орать и выть от того, что я и мама бьемся как можем каждый день, но в итоге остаёмся на месте. Нет совер-

шенно движения вперед. Но мы рады что хотя бы не назад. Все до последнего деньки мы откладываем на операцию Ане и немедленную реабилитацию. Нам дали примерно год на сбор денег.

Дочка совсем крошечная. Ей нет трёх месяцев даже. И я проклиная каждый раз себя уходя на работу, оставляя ее без моего внимания. Хорошо хоть есть молоко, иначе на смеси мы бы тратили слишком много денег, что непозволительно для нас.

Вспомнила о молоке и грудь закололо, а ткань футболки стала намокать сразу с обеих сторон.

Быстро поворачиваюсь от мужчины, схватив тонкую разрезанную на куски пеленку специально для этого предназначенную и засовываю ее под бюстгальтер.

Вот отчего я плачу иногда, хоть и позволяю себе это не часто. А он пришёл и смеётся, мерзавец. Смотрю на него и не понимаю каким образом я позволила ему войти в мое сердце.

Возможно, мой поступок в прошлом сделал его таким циничным. Может он умело скрывал свое нутро каждый день и выставлял свою хорошую сторону напоказ. Я не знаю. Но сейчас я, глядя на этого мужчину тихо его ненавижу, даже в чем-то презираю.

– Ты пришёл спустя год, чтобы сказать мне все это? Спасибо. Но я правда занята, – вынимаю из шкафчика маленький ковш, в котором варю каши по утрам Ане и дедушке.

Маме насыпаю в чайник заварку, так как мы привыкли с утра пить чай с крекерами или вафлями. Делаю вид что не замечаю нависающей фигуры мужчины.

– Да не мельтеши ты и сядь, – рявкает внезапно, что я аж останавливаюсь.

– Не указывай мне в моем доме что делать, – говорю ему повернувшись.

– Ты отрастила зубки, Алиса? Жаль, что это мало тебе помогает в жизни.

– Ошибаешься, Стас. Именно это и помогает мне каждый день делать то, что я делаю. И не тебе меня судить. Мы с тобой по-разному видим эту жизнь. И борьба у нас с ней тоже иная. Если я борюсь за близких и за себя, ты в свою очередь вертишься перед отцом выполняя его прихоти, в надежде заслужить его похвалу.

Он скучающе, по-деловому смотрит на свои дорожные часы и наконец начинает говорить о существенных вопросах, делая вид что не услышал моих слов. Но я знаю, что права. Так было всегда.

Стоило ему начать свою речь, как я поняла, что предел боли безграничен. Как и предел человеческой жестокости.

– Моя будущая жена с тяжелой беременностью сейчас за границей и пробудет там ещё долго.

Он замолчал, но не для театральной паузы, он глядел своими глазами на меня наслаждаясь результатом агонии, которую он сам мне так благородно дарил.

Да, я храбрая и сильная, однако это не отменяет моих чувств... чувств к этому безжалостному мужчине.

«Плевать, – скидываю с себя морок обиды. – Мне на все давно плевать. Он в моей жизни больше не важное звено. Я отпустила и смирилась. Больше не позволю другим ранить меня».

– Я тебя искренне поздравляю и желаю будущей жене здоровья, как и ребенку, – я говорила правду.

Никогда не желала кому-то зла. И сейчас несмотря ни на что не хочу, чтобы у той девушки были какие-то проблемы со здоровьем.

– Но не понимаю откуда такая честь мне знать об этом?

Багров сует руки в карманы и продолжает:

– Мне нужно, чтобы ты временно сыграла на публике мою невесту, а твой ребенок станет моим. На время.

Тик-так, отмеряют часы, после оглушающих меня слов. Тик-так и мир все-таки треснул пополам.

– Ты с ума сошел? Что... Что за бред? – от услышанного меня всю выворачивает от злости.

– Пока Женя за границей, ее место займешь ты. В обмен на услугу, я оплачу операцию твоей сестры и дам денег на нормальную жизнь.

Глава 2

Стас

Сжимаю в руках черную папку, внутри которой то, от чего я как мог отгораживался последний год.

Грязная предательница. Девчонка-беда. Лгунья. Как много эпитетов у меня в запасе и ни один до конца не опишет того, что она сделала.

«Хрупова Алиса Захаровна, двадцать два года. Неоконченное образование, мать-одиночка, две работы».

Хочу смеяться, потому что это мой триумф, вроде бы. Когда она уходила, я услышал много слов о деньгах, которые ей бросает в ноги мой бывший друг, конкурент и просто враг – Егоров. Она уходила, гордо подняв свою голову, смотря своими огромными глазами в мои.

Что она скажет теперь?

Я не хотел ее видеть и ни за что не позволил ей появиться в моей налаженной жизни снова, если бы не просьба отца.

Буквально неделю назад, когда я отправил свою невесту за границу в клинику для нормального течения беременности он пришел в мой кабинет.

– Стас, ты тут? Отлично. Нужно поговорить, – начал деловито, но в нем сквозила нервозность.

– Слушаю тебя, – приглашаю сесть за стол.

Не так давно, он поделил-таки бизнес и отдал мне половину. Мы долго шли к этому, и даже здесь одну из ролей в отсрочке сего момента сыграла Алиса. Взяв документы и помогая выиграть крупный тендер этому уроду Паше. Поэтому сейчас управляя его детищем я несу ответственность и хочу оправдать его чертовы надежды, как и прежде, чтобы потом сказать ему, чтобы он подавился своей империей. Потому что между нами отношения восстановлению не подлежат. Мне иногда хочется сжечь дотла все то, чем он так гордится.

Слишком многое разделило нас с ним, и семьей быть мы не перестали лишь формально. За время пребывания на вторых ролях я и сам обзавелся небольшим делом, но пока что все на начальной стадии, так как этот год я потратил на... то, чтобы просто уйти и не вспоминать, погрузившись во все сразу.

– Сначала выслушай, а потом задавай вопросы.

Киваю ему, скрепив руки в замок, облокотившись на спинку кресла.

– У меня небольшие разногласия с одним моим старым товарищем по бизнесу. Ничего серьезного, – предупреждающе перебивает, когда я хочу начать говорить. – Все под контролем, но как ты понимаешь всегда что-то может пойти не по плану. Поэтому на время, нужно, чтобы ты кое-что сделал.

«Что-то новенькое».

Он не часто просит меня о чем-то, потому что постоянно живет в ожидании того, что я оплошаю, награждая презрением. И мне нравится теперь его в этом плане не удостаивать чести. Потому что я знаю, как вести дела.

– И что же?

– Мне нужно чтобы ты помелькал на публике с невестой, – обыденно выдает.

– Женя в клинике, если ты не забыл. И мелькание на публике не мое. Я не зря не пускаю никого в пределы моего личного пространства.

Это правда. Мне хватило всего произошедшего с Алисой. Газеты еще долго пестрили слухами, на которые я по сей день не обращаю внимания. Поэтому все что не касается профессиональной жизни, остается закрытым на амбарный замок.

– Женю мы в это не будем впутывать. Найди фальшивую девку.

– Как интересно, – хочется уже к черту все послать, но мне все же важно услышать до конца этот бред.

– Да не напрягайся ты так раньше времени, – нервно кладет колпачком своей ручки. – Я же говорю, это все буквально на месяц. Я быстро порешаю вопрос с этим неугомонным и отправишь актриску с круглой суммой на шоппинг. Никаких проблем.

– Ты ведь понимаешь абсурдность своих слов? – на всякий случай задаю вопрос.

– Послушай, это просто подстраховка. Не хочу трогать Ев-

гению. Пусть спокойно вынашивает твоего сына.

– Подстраховка говоришь?

– Пара вечеров в ресторане и театре, на этом все. Это много?

– Это не много. Я хочу понять смысл.

– Моя личная просьба, этого мало?

Смотрю в его глаза, но, как всегда, понять что-то там не получается.

– Просто скажи, что ты ничего не натворил.

– Да что я могу натворить? – ослабляет галстук.

– И кто твой неугомонный противник?

– Ай, один бывший партнер. Ничего серьезного. Взамен можешь просить чего хочешь. Я бы не стал обращаться к тебе что-то сделать, не поблагодарив. Хотя мои слова и просьбой не назовешь. Обычная ерунда.

А вот это уже говорит о том, что важность момента реально высока. В принципе получить свою выгоду, а потом разобраться в сути я всегда могу. Так что в любом случае ничего не теряю.

– Ладно. Пара условий. Женя ни о чем не узнает от тебя, потому что я сам с ней потом поговорю, как и от Романова. Пусть и отец ее молчит. И второе, все магазины что под моим руководством сейчас ты переписываешь на меня.

– Мы так не договаривались, – сразу же выпрямляется, меняя интонацию в голосе. – Я, итак, дал тебе поле для ведения дел. Строительство мне, магазины тебе. Ты не готов,

Стас.

– А я никогда не буду готов, если ты будешь стоять над душой. Решай.

Отец, сжимая кулак смотрит в мои глаза и полагаю видит там лишь решимость.

– Ладно, но, если я увижу упадок все возвращается на место. Договор составим с этими подпунктами.

– Нет, сразу же обрубаю.

– Стас, я должен быть уверен...

– Хватит, – повышаю голос. – Я свои условия сказал. У тебя было достаточно времени убедиться в том, что я отличный руководитель.

Все оттенки злости на его лице и в итоге он сдается.

– Идет, – жмем друг другу руки, и отец уходит.

Разворачиваюсь в кресле к окну и начинаю думать о том, что я, по сути, уже знаю, кто сойдет на роль фальшивой невесты.

Еще много мыслей витали тогда в моей голове, среди которых я пару раз отказался от идеи брать бывшую на эту «вакансию». Однако совладав с эмоциями я принял окончательное решение, в результате которого я сейчас держал в руке то, что первым собрали мне о ней нужные люди.

Если и брать кого-то на роль фальшивки, то только Алису. Она идеальна в образе, который ей даже не придется примерять, так как состоит из фальши и грязи. Хотя казалось чистой и невинной снаружи.

Забавно, что я так сильно заталкивал все мысли о ней подальше, а стоило подумать об отцовских словах, так она всплыла сразу, словно и была на поверхности.

Первым пунктом, на котором я завис в неожиданности, была информация по ее сестре.

Попросил капнуть туда больше, чтобы понять как сильно Аня нуждается в помощи. Сразу же задался вопросом, как почему гребаный Паша ей не помог? И пожалел, что не узнавал о ней ничего, поставил бы сестру Алисы на ноги раньше. А так она пролежала целый год в кровати.

Черт!

В общем-то план моментально нарисовался в голове и планы по его осуществлению. Но стоило дочитать до второго пункта, как я превратился в камень.

– Значит ребенок.

Эта информация сильно ударяет по мне, оседая неприятной тяжестью внутри.

Мысль о том, что этот ребенок от него рисует отвратительные картинки, раздражая.

Да, я скоро сам стану отцом, но все это в принципе произошло только по ее вине. Потому что так решила она, а не я.

В какой-то невыносимой и извращенной тяге пытаюсь посчитать от месяца рождения, кажется, девять месяцев и все встает на свои места.

Бью кулаком по столу и в него же беру свою волю, засовываю собранную информацию по девчонке в ящик.

Хватит!

Поправляю пиджак и вызвав водителя спускаюсь вниз, а после еду к ней размышляя о том, почему никто до сих пор в итоге не помог ее сестре? Видимо Паша, поигравшись и получив от нее все что хотел бросил и даже помогать не стал? Вот уж мужской поступок. Она еще и родила от него.

– Алло. Привет, Женя, – поднимаю трубку, когда вижу звонок от невесты, уже находясь в пути на окраину города в захолустье неудачников.

– Привет, дорогой. Как ты?

Слышу в ее голосе нотки грусти. Мне самому тревожно быть далеко от нее, тем более, когда она в положении и сама беременность проходит слишком негладко.

Я к ней привык, но не скажу, что люблю. После Алисы, это чувство, кажется, атрофировалось напрочь во мне и вообще потеряло всякий смысл. Но это не повод быть грубым с остальными женщинами. Я не могу перестать быть внимательным и обходительным, тем более с той, кто в скором времени подарит мне наследника и станет женой.

– Я нормально. Рассказывай, как вы с сыном?

– Сегодня хорошо. Врач сказала, что это надолго. Наверное, до родов тут пробуду, – плачет.

– Главное, чтобы все закончилось благополучно. И не нужно слезы лить, – пытаюсь успокоить, но я никогда не умел этого делать.

Она проговаривает чуть слышно «хорошо» и через время

успокаивается.

– Ты приедешь? – водитель останавливается в каком-то дворе окруженном тремя двухэтажками, которые непонятно как еще не сложились в «бутерброд».

– Обязательно. Веди себя хорошо и слушай все что говорит врач. Как закончу с делами сразу же буду рядом.

– Я скучаю.

– И я. Мне пора.

– Вечером позвоню.

– Хорошо. Пока.

Убираю телефон в карман пиджака и осматриваюсь вокруг.

– Ты уверен, что мы туда приехали? – задаю вопрос водителю. – Раньше она жила по другому адресу.

– Он самый. Первомайская улица в городе одна, – отвечает Миша.

– Ладно. Жди тут.

– Как скажете.

Вылезаю наружу и понимаю, что даже запах тут отличается, подстать окружающему виду.

Вхожу в подъезд и всерьез начинаю опасаться за свою жизнь.

Первая квартира. Останавливаюсь напротив и смотрю на часы. Рано. Еще минут пять, и она придет с работы.

Поднимаюсь на следующий лестничный пролет и смотрю на улицу в грязное окно, не выдавшее чистой тряпки с мо-

мента, как построили это подобие жилья.

Хочу задуматься о том, почему она здесь, но обрываю эти мысли. По сути, я знаю по чему.

Сую руки в карманы и не успев заскучать вижу силуэт тростинки, иначе и не назовешь, выворачивающий из-за угла.

Тонкая куртка, вряд ли согревающая в сентябре, как и кеды. Трясется, держась за черную сумку, словно кто-то пытается ее отобрать. Хотя тут стоит бояться даже за свои шнурки.

Наблюдаю за тем, как она рассматривает мою машину. Большие глаза, когда-то завораживающие меня, становятся еще больше. Озирается по сторонам и начинает идти еще быстрее.

«Тебя это не спасет, Алиса. Я уже здесь, значит догоню, как бы быстро ты не бежала от меня».

Она судорожно сбрасывает с себя холодный ветер подойдя к своей двери.

Черт, кажется, я по-прежнему не могу оторвать от нее свой взгляд, даже несмотря на то, что сейчас передо мной бледная копия девушки, которую я знал. Но это больше не имеет значения.

Разговор не вяжется совершенно.

Ловлю ее в ловушку. И она, так легко запутавшись в паутине правды сдается.

Упертая, маленькая актриска, возомнившая себя сильной девочкой, упирается. Но стоит произнести финальную фразу

все встает на места.

Я покупатель, и назвал свою цену.

А она? Она согласится, без вариантов! Не ей воротить своим маленьким носом. Не ей решать.

Глава 3

Алиса

Вот. Это словно переключатель. От нуля сразу до тысячи по шкале боли и обиды.

И нет шанса отказаться.

В его глазах я лгунья и предательница.

И хотя его семья разрушила мою, я не могу отказаться. Я не могу взять и сказать ему все. Оправдаться. Тогда я не стала этого делать, потому что я боялась, сейчас... сейчас он просто не поверит. А пока начнет во всем разбираться его ненормальный отец неизвестно что предпримет в итоге.

Я стану той, о ком он меня просит, ради спасения других. Снова. Как год назад. Ведь нет платы за жизнь сестры, нет меры... Я все равно сделала бы что нужно.

Это ловушка. Я чувствую, что стоит мне на это пойти, как моя жизнь... Боже, да что моя жизнь?

Чем она вообще может стать хуже?

Даже если это какой-то отвратительный план Багрова, то в любом случае, я должна попытаться спасти Аню от той участи, на которую сама же и обрекла.

– Чего молчишь, акуленок? – специально задевает меня таким прозвищем, которое когда-то вызывало улыбку. Оно

было нашим.

Смотрю в его холодные глаза, решительно и уверенно. Надеясь задушить болью? Думает, что я в конец сломлена? Возможно. Но не дам ему этим наслаждаться.

– У меня есть условие, Стас, – заявляю не менее отрешенным и лишенным эмоций тоном.

– Ну как же без этого. Я слушаю, – скрещивает руки на груди и лениво ждет мою речь. Конечно, он знал на что надавить, и знал, что я соглашусь.

Вот только все чего я хочу – это здоровье Ани.

– Помощь моей сестре ты осуществляешь сразу. Никаких отговорок. У нас не так много времени, которое отвели для положительного исхода.

– Я так и планировал, – хмыкает. – Что-то еще?

– Операция и полная реабилитация – это единственное, что ты сделаешь для меня и моей семьи. Никаких больше подачек и так далее. Я делаю это для нее, а не для того, чтобы потешить твое самолюбие.

– Я тебя слышал, но все-таки тебе стоит кое-что запомнить Алиса: устанавливать правила и условия буду только я. И, если я решу, что отступные будут в виде квартиры и денег, – ступает на шаг ближе, загоняя в угол, – значит так и будет.

– Ты... – не могу договорить ничего, потому что Стас медленно опускается так, что наши глаза оказываются на одном уровне и я теряюсь моментально.

Я никогда не могла выстоять, когда он так смотрел. Вот и сейчас просто промолчала, смотря в глаза цвета горького шоколада. Кажется ставшего слишком горьким.

Как много утекло воды. Как сильно мы изменились. И ничего не вернуть. Ничего не изменить.

Только бы сердце выдержало вновь. Потому что теперь в его душе и его жизни, для меня нет места, как и моей дочери.

Это действительно больно. И я тихо завидую той, что проживет с ним эту жизнь, как об этом мечтала я.

– Умница, – видимо принял за согласие мой внутренний монолог и молчание. – Указания дам позже, – кинул напоследок и открыв дверь кухни вышел, но провожать его я не стала, так как колотящееся сердце почти пробило дыру в груди.

Кое-как взяла себя в руки и повернувшись к раковине, пару раз плеснула в лицо водой, выпив немного с ладони.

Целый год без него, и вот такая встреча. Кажется, я говорила когда-то о том, что быть может мы увидимся в будущем. И вот таким оно стало.

Пошла закрыла хлипкую дверь на щеколду и вернувшись стала готовить завтрак.

– Кто это приходил, – спрашивает мама, тихонько войдя.

– Стас Багров, – не стала юлить, все равно скоро нас ждут перемены, и он станет на время частью жизни моей семьи.

– Стас... Погоди, тот самый Багров?

– Да мам, – нехотя отвечаю ей, потому что мне придется ее обмануть. Она ни за что не позволит мне пойти на такое

унижение, причину которого я и выяснять не буду. Меня уже тошнит от подобной перспективы.

– Что хотел этот мерзавец? – почти взрывается она.

И я ее понимаю. Сложно полагаю видеть своего ребенка таким, какой она видела меня, когда все закончилось, между нами. Правда мне пришлось очень быстро взять себя в руки и стать сильной. Но я не обвиняла Стаса в чем-то перед ней, не настраивала против. Она сама все поняла.

– Вернуть долги, – ставлю чашку быстрорастворимого кофе и печенье перед ней, и сама плюхаюсь на стул, потому что ноги просто отваливаются. Глаза вообще закрываются, требуя отдыха.

– Погоди, так он что же, алименты платить будет?

– Мам, ну какие алименты? – аж смеяться захотелось от ее предположения, вспомнив его слова. – Он Катю даже не признает. Позлорадствовать пришел.

– Вот подонок. Как ты позволила ему войти? И вообще откуда он узнал наш новый адрес?

– Словно мы говорим не о «том самом Багрове», для которого это все раз плюнуть полагаю.

– Что за люди такие? Мерзкие и гадкие, словно паразиты. Надеюсь, что больше не явится, – отпивает кофе и начинает кушать.

Смотрю на нее и не понимаю, откуда в ней столько силы?

Сначала умерла бабушка и дедуля переехал к нам, тогда еще в трехкомнатную хорошую квартиру. Потом и отец нас

покинул.

Мама тащила все на себе, я как могла помогала. Потом беда с Аней, а следом новость о моей беременности и мой уход из института.

А она? Она все стойко переносила, была рядом и никогда не плакала... на виду.

Сейчас мы с ней работаем каждая на двух работах, бабушка иногда присматривает и за Аней, и за Катей, если мы с мамой не стыкуемся в одно время нашей дежурной «пересменки». Потому что одна из нас возвращается домой, а вторая на работу спешит. Но по итогу все это не дает правильного результата, накопить достаточно нам так и не удалось.

– Вернется мам. Он вернется вновь, – устало отвечаю ей, облокотившись о стену спиной и прислонив голову к ней же.

– И чего ему надо? Вы ж расстались год назад. Ребенку своему даже не помогает, паршивец, с такими деньгами, – возмущается так ярко, но у меня нет на такие эмоции сил.

– Он готов помочь Ане. Помочь взаправду и сразу, – надеюсь аргумент сработает как надо.

– Помочь? Но... Как, – от шока и очевидной радости она и слова сказать не могла, только глазами огромными глядела.

– Вот так мам, возьмет и оплатит все. Операцию, реабилитацию и все что там еще нужно.

Она смотрит в пространство недолго, а потом снова переводит взгляд на меня.

– Погоди. А взамен что?

– Ерунда. Это не имеет значение. Цена не столь высока.

– То есть как это? Ну ка говори, что он там предлагал тебе, – выпрямляется, идя в бой за правдой.

– Мам, ты правда считаешь, что есть что-то, что будет важнее Ани и ее возможности ходить? Жить нормальной жизнью, а не быть прикованной к больничной койке? Нет.

– Но не стоит забывать об уважении и чести, – все еще пытается противостоять, хотя уже давно согласна с моими словами.

– Мама, – устало вою. – Да какая к черту честь? За полгода фонд собрал всего триста тысяч. От продажи квартиры остались копейки. Какое тут уважение? Времени мало. В декабре будет поздно, выйдет срок, у нее скоро пролежни начнутся. Она лежит целый год неподвижно. Год, – осипшим от невыплаканных слез голосом говорю ей. – У нас нет проклятого времени на раздумья. У нас нет времени ни на что.

Резко встаю и развернувшись упираюсь руками в подоконник.

Не хочу с ней ссориться. Не люблю этого. Нервы уже ни к черту, вот и бывает порой, что мы не слышим друг друга. Мне стыдно, что я так себя повела сейчас, но, когда я смотрю на свою сестру... я просто не выдерживаю от проклятий к себе самой.

Слышу, как мама встает со своего места и подходит ко мне. Поворачиваюсь к ней и обнимаю.

– Прости, мамуль.

– Это ты прости, что такая у нас жизнь. Я ведь...

– Нет, не смей, – резко обрываю ее слова. – Виновных предостаточно в случившемся, но это не ты.

– Ох, Алиска, – крепче прижимает меня к себе, и я ощущаю покой в ее руках. – А чего же он Катюше не помогает-то?

– Сказал, что она ему не нужна.

– Ну и дурак, – гладит меня по спине, как в детстве, когда я приходила ей пожаловаться по какой-то там ерунде, что тогда казалась великой трагедией десятилетней девочки.

– Угу.

– Ладно, доченька. Пойду я.

– Как там Аня вчера была? – ступаю за ней в коридор и помогаю одеться.

– Нормально. Ты только почаще ей массажик делай, аккуратно.

– Конечно.

Провожая маму и ухожу в комнату.

Все по привычке и налаженному распорядку. Проверяю дедушку, который у нас спит в отдельной комнате, так как порой до полночи приходится бегать с малышкой на руках и убаюкивать, а тревожить его не очень хочется, если бы он спал в общей комнате.

Дальше подхожу к Катиной кровати, что стоит в гостиной, служащей нам с мамой спальней. Мое маленькое чудо, которое так и хочется обнять покрепче, за все дни ее трех-

месячной жизни, когда я была не рядом.

Сейчас особенно сильно хочется верить в слова Багрова. Если он поможет нам с Аней, то наша жизнь невероятно облегчится.

Тихо пробираюсь в еще одну комнату, где спит сестра.

Она запрещает нам улыбаться фальшиво рядом с ней и нести бред про скорое выздоровление. Просит быть откровенными с ней и не обелять сгустившийся мрак. Благо она не сдается. Хотя я знаю, что она была бы этому рада, но пустить по ветру наши с мамой труды не решится никогда. И все же я делаю глубокий вдох и вхожу. Пора начать процедуры.

Стоит переступить порог натыкаюсь на ее взгляд.

– Почему не спишь? – подхожу к ней ближе.

Она смотрит на меня своими красивыми, папиными глазами. Не улыбается.

– Вы снова ругались с мамой? – сканирует на ложь меня.

Глава 4

– Ругались? Ань, ты же знаешь, как ругается наша мама. Весь дом услышал бы, – посмеиваюсь, но кажется она не оценила мой юмор. Смотрит пристально, не отпускает взглядом.

– Это он приходил, да?

Спрашивает так грустно, видимо вспоминая меня в те дни, когда я только-только становилась этой стойкой на первый взгляд двадцати двухлетней девушкой. Потому что видела внутри не напускное равнодушие, а окровавленную душу. Я любила Стаса, и всегда понимала, что это чувство слишком сильное. А значит и раны будут размером с черную дыру или армагеддон. Так и вышло в итоге.

– Он, – не вижу смысла обманывать.

– Я слышала все.

Чувствую панику. Потому что вновь меня изнутри выжигает боль от этой встречи. Потому беру себя в руки. Не перед Аней мне показывать свою слабость.

– И знаешь, пусть этот козел просит что угодно, но использовать его смогу я как надо. Думает, что запросил высокую цену? Ха, человек как он никогда не поймет, что важно бывает по-настоящему, – выдаю свою тираду немного потерянно.

– А что он предложил?

– На публике с ним поиграть во влюбленных.

– Странный такой.

– Ну у богатых свои причуды, не так ли? Вот и этот павлин пытается соответствовать этим канонам. Если честно мне плевать, главное, что ты будешь здорова.

– А ему стоит верить, Лис?

Ее ощущение полу радости и полу свободы, когда еще не поняла и не можешь осознать, что все реально скоро прекратиться, опускалось на кожу, тяжелейшим грузом.

– Он, конечно, тот еще паразит, но все же по глазам поняла, что не врет. Да и, прежде чем начать спектакль, я напомним, чтобы начал обещание выполнять. Ты будешь на телефоне и все мне рассказывать.

– Круто, – воодушевляется она.

Пока с Аней разговаривали, успели сделать все процедуры необходимые. И так каждый раз.

– У тебя уже прошел день рождения, и ты просила подождать с подарком, так вот чего хочешь? – задаю вопрос, пока кормлю ее кашей.

– Да ну тебя. Ничего не надо, – отмахивается.

– Значит сама выберу, – пожимаю игриво плечами.

– Ага, не надо. Тогда лучше я.

Однажды, когда она не желала говорить что хочет в подарок, я сказала, что куплю ей ненужную безделушку, очень дорогую и ее будет съедать чувство вины, что эта вещь останется лежать просто так и ее невозможно будет вернуть.

– Подумай и скажи, а мы с мамой посмотрим, что можно

сделать, – встаю, убирая посуду в сторону и Аня начинает говорить:

– Есть кое-что, – тихо так.

– Смелее, я готова услышать твои желания.

– Я бы погулять хотела. Вечером. Просто по двору хотя бы. Все вместе.

Останавливаю свою деятельность и ощущаю как из глаз катятся слезы.

– Алис, – тихо зовет сестра, а я в тысячный раз проклиная себя за то, что я виновна во всем, чего она лишилась год назад.

Разворачиваюсь и падаю возле ее кровати, обнимая бездвиженные ноги.

– Прости, родная. Прости, пожалуйста.

– Ты чего, Алиса? Ну ты... прошу. Успокойся, – гладит меня по голове, пока я реву, разрывая себя на куски от вины, которую испытываю каждый день и каждый миг, но признаться не могу ей, боюсь увидеть презрение в ее глазах, оно меня убьет.

Беру свои эмоции под контроль, что дается с трудом.

– Извини, я просто что-то расчувствовалась. Не могу поверить, что все закончится, Анют, – улыбаюсь, стирая остатки слез с щек, вместе с сестрой.

– Лис, а ты чего себя то винишь? – совсем тихо спрашивает меня, а я теряю дар речи, но меня спасает проснувшийся дедушка.

– Просто, мне кажется, что я должна была быть рядом с тобой и защищать от всего. И в тот день я...

– Ну мне же не пять лет, а восемнадцать.

– Вот именно. Я пойду дедулю покормлю, скоро и Катюшка проснется.

– Приноси ее ко мне, как она поест и покакает, – хихикает сестра.

– А как же.

Целую ее и тороплюсь на кухню.

– Доброе утро, дедуль, – обнимаю его, помогая сесте за стол.

– От даешь, внуч. Восемь утра, а ты уже скачешь и завтрак готов, – смеется.

– Ну а ты вспомни бабулю? Как думаешь в кого я такая?

– Ох, Семеновна моя та еще коза была. Не усадишь, – оба улыбаемся, вспоминая бабушку.

Ставлю перед ним кашу пожелав «приятного аппетита», и быстро мою посуду, которая скопилась, чтобы не стояла долго и стоит вытереть руки, как дом заливают криком самого громкого человечка, греющего мое сердце в любую непогоду.

Иду к дочке и скорее беру на руки мое сокровище, чтобы быстрее обнять.

Целую ее, и принохиваюсь.

Как же я ее люблю. Жизни не мыслю без моей малышки.

Права мама, это Стас дурак, раз не хочет быть частью ее

жизни. А если захочет, в чем я сомневаюсь очень, то я противиться не стану. Быть может помимо своего сына от невесты, решит, что и дочь должна знать своего отца.

— Здравствуй, моя девочка, — она тут же затихает, раскрыв глазки, окончательно проснувшись.

Так внимательно смотрит на меня, хмурым его взглядом из-под бровей, а стоит мне улыбнуться, как тут же одаривает в ответ счастливой улыбкой.

Целую ее вновь и укладываю на диван, который застелила пеленкой.

Шепчу ей, как соскучилась. Играю. Оборачиваю полотенцем и несу в ванную, чтобы подмыть. Памперсами мы не пользуемся. Только если в больницу сходить, не более. Слишком дорого для нас.

Катя очень любит воду, поэтому стоит опустить ее в набранный тазик чуть ножками, перехватив за животик, как тут же становлюсь мокрой уже я.

Дальше одеваю дочку, кормлю и отношу к Ане.

Да, сестра полностью обездвижена, и мы соблюдаем рекомендации врачей, потому что не хотим лишиться окончательно возможности ее полного восстановления.

Я до сих пор помню, когда мы дома пытались ее немного сдвинуть, так как лежала неудобно и она закричала.

Так громко и раздирающе больно, что нас всех скрутило от ужаса и понимания, что это все ужасно давит, держит в напряжении и ощущении беды без остановок и отдыха.

Поэтому после приезда бригады врачей, которые помогли справиться с болью ее, мы не рискуем. А ее сегодняшняя просьба сильно ударила по психике.

Я приношу ей Катю и укладываю в сторону немного, так, чтобы она не толкала Аню, а перевернувшись на животик не скатывалась к ней под бок.

Они обычно играют погремушками, сестра читает ей какие-то книги, что моя девочка порой под них засыпает. В общем они обе мне, по сути, помогают.

– Ооо, моя большая племянка пришла? – радуется, убрав литературу в сторону.

Недавно она сказала, что если ей суждено никогда не встать на ноги и выучиться профессии куда люди приходят сами, а не сидя в коляске, то она станет писателем. Какое чтиво только мы ей не брали в библиотеке городской, так как покупать книги сейчас очень дорого, все проглатывает за сутки-двое. А решить, что именно желает не может. Но кажется ей понравились романы о любви.

– Ань, минут сорок. Я быстро постираю пеленки и закину в машинку. А еще...

– Алис, я позову деда если что. Он поможет.

– Спасибо, но он еще не вернулся, – целую обеих и ухожу быстро заниматься делами.

Дедушка ушел за хлебом и газетой. Тут уж привычки не меняются с годами, мы и не против. А я после стирки быстро начинаю убираться в квартире.

День проходит в суматохе и только после обеда, как только все поели, я, кормя Катюшу грудью, засыпаю вместе с ней. Проиграв своему уставшему организму, забыв переложить ее в кроватку.

Чувствую, как на мои плечи что-то кладут, тут же просыпаюсь.

– Дедуль? Что такое? Кушать хочешь? – вскакиваю, быстро приведя в порядок одежду.

– Да укрыть тебя хотел, а ты проснулась. Поспи, Алис.

– Нет, ты что мне пяти минут хватило. Итак, отключилась не вовремя.

– Тогда переложи ее, и давай в мою комнату отдыхать. За Аней посмотрю, она тоже легла. Дочка твоя как минимум час спать будет. Так что давай.

– Спасибо, дедуль, – целую его в морщинистую щеку.

Быстро укладываю малышку в кроватку и ухожу в комнату, попросив его меня разбудить сразу, как что-то понадобится.

Я уже давно сплю без снов. Вот и сейчас просто темный экран. И это очень облегчает. Раньше я не могла переносить эти дурные картинки. Казалось, что с ума сойду. В то время все выглядело черным или просто белым. Сейчас не лучше, но все же это лучше, чем когда только случилась та авария с сестрой.

Этого часа мне вполне хватило. Хотя потратить сутки на заботу о близких и работу двадцать три часа, и всего один на

сон не кажется правильным, и все же я чувствую, что скоро все изменится.

Выхожу из спальни деда и вижу его с Катей на руках. Она улыбается, размахивая своими маленькими ручками.

– Алис, там Аня просила тебя ей помочь немного, – киваю ему и ухожу к сестре, чуть пригнувшись, чтобы дочка меня не видела и раньше времени не закатила истерику.

– Ой, проснулась? А я попросить хотела с гигиеной по-мочь, – неловко произносит.

– Конечно, – улыбаюсь ей.

Мама возвращается чуть раньше, и мы впервые за долгое время собираемся все вместе в квартире на целых полчаса.

Смеемся и шутим. Катя не спит, и я с радостью тискаю малявочку мою как могу дольше. Молоко сцедила как могла побольше. Но сердце вновь разрывается стоит посмотреть на часы.

Мама с сестрой сразу замечают мою грусть и понимающе обещают, что все будет хорошо.

– Знаю, что будет. Просто порой думаю о том, что могу пропустить что-то важное в ее жизни и мне будет жаль.

– Ничто не длится вечно, доченька, – целует меня в висок мама, забирая Катю.

– Как и ее детство, мам.

Ухожу переодеваться и стираю слезы. Потом снова беру себя в руки и иду опять бороться.

Глава 5

Магазин, где я работаю рядом с домом, поэтому в некотором роде так проще. К сожалению, и минусы есть. «Женихи» сомнительного социального статуса, быстро узнают, где ты живешь и порой страшно бывает даже.

– Ну че, Алиска, подумала над моим предложением? – вновь встает передо мной один из таковых.

– Володь, ты купил что хотел? Можешь идти. Твое предложение я отклонила еще в момент, пока ты его произносил.

– А че? Я бы и девку твою удочерил, – меня корбит упоминание дочери. – Ты подумай, красавица. Я работаю. Хата мамкина, но та помрет скоро. Так шо вместе заживем.

Обдает гадким дыханием, и я отклоняюсь от прилавка.

– Да нужен ты ей, алкаш такой. А ну пшел вон отсюда, – слышится позади громкое.

– Люба, вот ты всегда не вовремя. Она почти согласилась. Я б ты на свадьбу позвал этой... Как ее там, которая букет держит?

– Иди сказала, бесстыдник. К молодой девке прицепился, пьянь старая.

– Да я ж только по праздникам... Да ну вас, – махнул и вышел из магазина.

– Спасибо тебе, – улыбаюсь начальнице, садясь на табурет.

– Спасибо в карман свой положи. А ему отвечай четко. Он же и впрямь подумал, что ты согласишься.

– Да ну его.

– Вот тебе и «да ну». Достали они слушай. Весь район за-полонили уже. Вот откуда берутся только?

– Сама знаешь, что тут живут те, у кого зачастую было многое.

– А ты себя с ними не сравнивай.

– Я ж не про себя.

– Знаю я, про кого ты.

Смеюсь, смотря на нее.

Люба, хорошая подруга и начальница. Где-то месяца четыре назад, я еще беременная вошла к ней впервые, когда она открыла этот магазин и мы разговорились.

Она женщина сорока трех лет. Высокая и крепкая довольно. Так что, смотря на нее, мужчины какими храбрыми не были бы всегда немного побаиваются ее. Потому что она сурова на вид и голос ее такой же. Грубоватый. Так еще и характер огого.

Мы быстро подружились. Но я все же не злоупотребляю нашей дружбой и работу выполняю совестно, не опаздываю и не наглею ни в чем.

У нее самой двое дочерей таких же возрастов как я и Аня моя. Восемнадцать и двадцать два. Но мне называть ее Любовью Николаевной она запретила. Только по имени и только на «ты».

– Ой, я ж че пришла-то. Смотри, – вытаскивает из пакета, который держала в руке коробку из-под обуви и открывает ее.

Внутри были красивые полусапожки. Замшевые. Черные. На низком каблуке.

– Решила в молодость удариться, Люб? Красивые.

– Ага, если бы. Купила Варьке. А эта коза мне заявляет, что без каблука носить не будет.

– Жалко. А ты поменяй с доплатой и все.

– Ой, Алиса, я впервые в своей жизни потеряла чек. Хоть убей искала везде, нигде не найду. Уже подумала грешным делом, что может и не брала его вовсе? Не суть. Меряй давай.

– Чего? Вот еще. Младшей пусть твоей останутся.

– Кому? У нее нога как у мыши. Меряй говорю. И никаких разговоров тут.

– Люб, ну блин. Мне то куда они? Дорогущие же.

– А я все продумала. По пятьсот рублей буду с зарплаты забирать и все.

– Да я как-то не планировала, слушай.

– Да что ж упертая такая? – садится передо мной, с явным намерением, сделать все самой, и я тут же вскрикиваю:

– Ладно я сама. Не надо.

– Так бы и раньше.

Конечно, они подошли и по размеру, и понравились мне. А еще я понимала, что она покупала их вовсе не для дочери. И я была ей в очередной раз благодарна. Потому что с

нашими расходами и доходами, вряд ли позволила бы взять и потратить деньги на новую обувь.

Эта смена закончилась в шесть утра. Вернулась домой и быстро приняв душ сцедила молоко, потому что там было уже мало в бутылочке, отправилась спать. Мама проснулась, когда я перебиралась через нее к стенке.

– Ты сегодня раньше? – шепотом спросила.

– Да. Люба говорила мне, что, если за час никто не приходит, можно закрываться. А у меня с четырех никто не покупал ничего.

– Спи дочуль. Я завтра утром сама все сделаю, – гладит по спине. – Отсыпайся.

– Спасибо, мам. Сладких снов.

Проснулась только когда дедушка положил Катюшку ко мне, и она начала играть с моим лицом.

– Доброе утро вам обоим, – целую пухлые ручки, не открывая глаз.

– Доброе, внуч. Тут вот к тебе дочка пришла. Требует еды. То, что было с утра уже выпила.

И я бы решила, что Катя стала есть за двоих, если бы не знала, что она столько не выпьет.

– А сколько сейчас? – хмурюсь, пытаюсь понять по солнечному свету из окна.

– Начало одиннадцатого, – отвечает бодро.

– Что? Почему не разбудили-то?

– Чтобы выпалась наконец-то, на зомби похожа, – кричит

из своей спальни сестра.

– А массаж и процедуры?

– Дедушка что мог сделал, остальное как встанешь помо-
жешь, Алис.

Закрываю глаза, и открыв смотрю в такие же улыбающи-
еся любимого старичка.

– Что ты улыбаешься, деда? Нельзя от графика отступать.

– Дочку корми, обязательная.

Он включает телевизор и садится в кресло, а я, перевер-
нувшись к стене целую малышку и приступаю к кормлению.

Дальше полдня я пытаюсь сообразить, чего мне ждать.
Стас приходил, но о дальнейшем ни слова. Какие указания
он даст и когда, тоже непонятно.

Мама звонила с вопросами, но я ответами не наделена, к
сожалению. Вечером отправилась на вторую работу.

На окраине нас забирает автобус и отвозит по адресу,
смотря куда нужны рабочие. В прошлый раз мы собирали
и упаковывали малярные кисточки. В этот раз, по-моему,
пельмени, старшая смены говорила перед выходом. Пробле-
ма в том, что я не очень тепло оделась. Там в цеху холодиль-
ники. Черт.

К пяти утра я промерзла до невозможного и в итоге даже
не чувствовала горячего чая внутри себя, хотя наливала в
кружку кипяток.

– Слушай, Алис, может пойдешь погреешься? – с заботой
спрашивает соседка по чаепитию.

– Нет, Вик. Сама знаешь, увидит Родионовна и сразу минус половина зарплаты.

– А если заболеешь? У тебя ж мелкая.

– Да сколько уже таких смен было то? Нормально, спасибо за чаек.

Встаю со стула после перерыва и кое как, ощущая покалывания в пояснице, ступаю к столу лепки.

Сегодня мы работали дольше обычного. Двое девочек не вышли, из тех, кто записывался, поэтому пришлось выполнять сверх нормы, за которую, к сожалению, доплатят меньше. Чем если бы взяли доход не пришедших на всех.

В итоге три тысячи сразу в карман. Уже хорошо. Приехала к половине девятого домой и сразу же в горячую ванну залезла, проверив всех членов семьи.

Прогревалась минут сорок не меньше, постоянно добавляя горячей воды из крана. Мне болеть категорически нельзя. Из-за кормления Кати, помощи маме, работы и много еще таких причин.

В один момент я выпала из настоящего и этой комнаты, погрузившись в то наше лето. Он был в моей жизни так мало, и такой большой след оставил. Я не только про дочку. Я про то, что мне было настолько хорошо с ним и... Боже, я так сильно его полюбила. А Стас в ответ делал меня самой счастливой.

Иногда я задумываюсь о том, что солгала ему. Не пришла за помощью к первому. Но пытаюсь вообще вспомнить себя

в те моменты, я с трудом все это осуществляю. Все как в тумане. Я помню только свой страх и искалеченную Аню.

Сжимаюсь в комок от тех мгновений и стараюсь вынырнуть из прошлого.

Вот только и реальность не слишком радушна. Я не виню Стаса совершенно в том, что он нашел себе девушку своего круга. Я была с ним жестока в те дни расставания. Я слишком сильно его задела.

А сейчас, пусть и не только с благими целями, а вывернув все в выгодную для себя сторону, но все же именно он мне помогает. А это значит, что Стас остается таким, каким я его видела, пусть и не во всем. Но он прежний мужчина и я ему благодарна очень.

Вылезаю из ванны и боль в пояснице никак не уходит.

– Блин.

Одеваюсь и выхожу.

Задвигаю на задний план лечение, потому что нужно многое сделать по дому.

– Алис, давай одень Катю, пойду с ней на улицу погуляю.

– Хорошо, дедуль. Там ветрено немного, так что я и в коляску положу одеяло по краям.

Начинаю создавать кокон для дочки, потому что коляска старенькая и не очень теплая. Но и за нее я благодарна той же Любе. Катя становится более тяжелой, и носить ее на руках в комбинезоне слишком тяжело.

Собираю малышку покормив на сон, отпускаю их обоих.

Принимаюсь за Аню, которая сегодня в плохом кажется настроении. Хотя я догадываюсь в чем дело.

Сажусь рядом с ней и беру в свои руки ее ладонь.

– Анют, ну не обижайся, прошу.

– Я не обижаюсь. С чего ты взяла, Лис? – старается не смотреть в глаза.

– Я не хочу на пороге операции и полного выздоровления рисковать. Мы ведь так долго шли к этому дню. Представляешь сколько у нас будет времени гулять и радоваться жизни?

Пытаюсь найти слова, чтобы она поняла мой страх и риск, на который мы просто не можем пойти.

– Ты так уверена, что мне помогут? – с долей злости смотрит на меня, повернув голову.

«Только не это!» – пугаюсь мысленно, осознавая к чему она это ведет.

Глава 6

– А ну быстро взяла себя в руки, Аня, – резко встаю с места и говорю ей. – Ты что это задумала?

– Ничего, – сдавленно отвечает, снова возвращая свой взгляд к стене.

– Сдаться решила?

– А если и так, то что? Упрекать станешь? – спрашивает с вызовом.

– Стану, – громко начинаю. – И не думай, что материальными жертвами. Мы тебя любим, и ты это знаешь. Я хочу, чтобы ты понимала и то, насколько важна нам. Мне, маме, бабушке. А племянница твоя? Я хочу, чтобы ты, маленькая коза, встала на ноги и исполняла свои обязанности как тети. Любила ее, покупала мороженое, баловала, носилась за ней по пятам, когда она станет ходить. Чтобы, когда я стану ходить на свидания, а это у меня в планах, не такая я уж и старая мамочка, чтобы ты мне помогала за ней присматривать. Да много чего еще. Ты не имеешь вообще никакого права сдаться.

Она внимательно смотрит на меня, чуть улыбается, вот только глаза блестят от слез.

– Я... Алис я так устала... честно. Я помню, что была готова ждать, но прошло так много времени, а я... а я все лежу тут день за днем и ничего... – пожимает плечами срываясь

на громкий плач.

Не выдерживаю и обнимаю ее, целую в макушку.

– Именно поэтому солнышко. Именно поэтому, пройдя этот путь длиною в год, в самом конце ты не станешь поворачиваться спиной к своему будущему. Нет родная, это не про тебя. Не про нас Хруповых. Хрен им всем. Врачам, клиникам. Пусть идут сама знаешь куда.

Аня начинает смеяться, отпуская напряжение.

Принимаюсь за пыль, так как мама вчера приготовила большую кастрюлю борща облегчив мне сегодня немного день. Уборка – это мое обязательное занятие. Поддерживаю чистоту полную, чтобы Аня вдруг не заболела. Ей будет сложно справиться с простудой, особенно если вдруг появится кашель. Чревато для нас, поэтому соблюдаем все правила, которые можем. Заканчиваю уборку в доме и как раз возвращается дедушка.

– Нагулялись? – он смотрит на меня странно, что я тут же ощущаю страх. – Дедуль, в чем дело?

На всякий случай подхожу к коляске, проверяя Катю, но та сладко спит.

– Там во дворе стоит машина, Алис. Я ее помню, знаю кому принадлежит. И думаю, это к тебе приехали.

– Напугал меня, – выталкиваю воздух из легких, потому что надумала всякого.

– Так к тебе? Чего хочет? С дочерью познакомиться?

Дедушка проницательный и мне почему-то, кажется, по-

нимает, что наше со Стасом расставание было не простым. От того, не думает о нем как мама. Как разберемся с лечением Ани, расскажу ей все с самого начала. Пусть знает, что Стас не негодяй, коим она его считает опять же по моей вине.

– Дедуль, я Катю сейчас переложу в кроватку и выйду к нему. Присмотришь ладно? Я быстро.

– Партизанка такая, – усмехается и качает головой. – Иди уже.

Целую его, заглядываю к сестре, которая, отложив книгу задремала и надев куртку выхожу из квартиры, прихватив мусор.

Медленно ступаю на улицу, как в первую нашу встречу выглядывая из-за двери в подъезд и вижу Стаса.

Все такой же красивый, успешный, деловитый. Сводящий с ума мое сердце.

– Тише сердечко, не стучи о нем. Мы с тобой теперь ему не нужны, – шикаю грустно и до меня вместе с ветром долетают обрывки фраз, которые он говорит кому-то по телефону.

– А я сказал, что Израиль. Завтра чтобы все было готово. Я готовлю самолет через несколько часов. Германия отпала, потому что там менее квалифицированный врач. А мне нужен лучший результат. Все.

Засовываю нос обратно, чтобы сделать вдох. Это получается сегодня...

– Ах... поверить не могу. Боже мой... боже мой... Спасибо, – поднимаю голову вверх счастливо улыбаясь. – Ну на-

конец-то.

Стираю влагу с щек, полагаю, что глаза остаются красными, но мне плевать и выхожу.

Мужчина сразу же оборачивается, когда хлопает дверь и подходит ко мне.

Втягиваю шею так, чтобы не растрчивать тепло впустую и молчу.

Но Стас тоже ни слова не произносит и просто смотрит на меня.

– Так и будешь глазеть? Еще успеешь поиздеваться над моим внешним видом. У меня сейчас дела, – поднимаю вверх пакет с мусором.

Он отмирает и сует руки в карманы.

– Самолет через пару часов. Я уже отправил своего помощника в больницу, чтобы забрал карту Ани. Скоро придет машина за ней, так что можешь собирать сестру.

Держу в узде трепещущее от счастья сердце и ровно отвечаю, хотя так хочется броситься ему на шею и радостно кричать.

– Хорошо. Сейчас начну этим заниматься. Лететь с ней кто будет?

– Врач из больницы, чтобы проследить за всем, плюс там встретят. Все будет сделано как нужно.

Я слышу, как он аккуратно и с трепетом говорит об Ане, хоть и пытается казаться таким пофигистом. Они хорошо об-

щались тогда. Сестра обожала Стаса, а он в ответ обожал ее.
«Ненавижу прошедшее время».

– Ладно. Тогда пойду.

Поворачиваю в сторону мусорных баков и быстрее ухожу, потому что больше не о чем говорить, к сожалению.

Он ничего не отвечает мне. Садится в машину, громко хлопая дверью и уезжает.

Останавливаюсь и ловя ветер лицом ненадолго замираю. Сейчас мои эмоции искрят, а нервы натянуты так, что еще немного и начнут рваться одна за одной нить.

Улыбаюсь хмурому небу, потому что ничто не способно мне испортить это настроение и бегу домой.

– Дедуль, маму зови, – забираю с его рук проснувшуюся дочку и счастливо целую ее.

– Куда звать? – смотрит на меня, не понимая моего сумасшествия.

– Домой деда, домой. Аньку провожать будем.

– Как... А... – теряется, но все равно уходит за своим телефоном.

Иду к сестренке и перехватив Катю так, чтобы она лежала на животике на моих руках подношу к ней дочку.

– Буди тетю, зайка. Скорее буди ее.

Сонные глаза Анюты приоткрываются, когда малышка начинает хлопать ладошками по щекам сестры, и она тут же улыбается.

– Привет, племяшка. Клади ее ко мне, Алис, – приподни-

мает руку, освобождая место под боком.

– Неа, у тебя сейчас куча дел. Точнее у меня, а ты будешь лежать и не верить в происходящее.

Аня на секунду замирает, а я киваю ей, потому что она понимает меня и без слов. Иначе назвала бы меня ненормальной, за столь широкую улыбку.

– Правда? – спрашивает чуть слышно.

– Правда, солнышко. Самая настоящая правда, ангел мой, – сажусь рядом и положив Катю на постель к ней, склоняюсь чтобы поцеловать мою сильную сестренку. – Скоро все закончится, Анют. Скоро все будет даже лучше, чем раньше.

– Не нужно, – со слезами на глазах смеется. – Не хочу лучше, пусть хотя бы как раньше. Этого достаточно.

– Ты права.

– Получается он выполнил свое обещание?

– Стас, может быть, и ведет себя порой как задница, но он всегда был человеком слова. Ему можно было верить, и я верила, всегда.

– Спасибо ему сказать хочу.

– Потом скажем все. Обязательно. А пока что я пойду вещи твои собирать. Мама сейчас приедет, дед ей звонил. Да и врачи. У нас на все два часа.

– Два часа, – эхом повторяет.

– Сама не могу поверить.

– Ой, а куда поеду, не знаешь?

– Я услышала его звонок, он говорил про Израиль.

– Нифига себе.

– Ага, погулять там не забудь, когда на ноги тебя поставят.

– Я тебе сувенир привезу.

– Ты главное возвращайся, крепко стоя на своих ногах,

остальное неважно.

Хочу уже уйти, но она берет меня за руку.

– Спасибо тебе. Если бы не ты мы все давно бы сдались.

Но ради тебя и держались.

– Вот еще.

– Нет, правда. Ты ведь все взяла в свои руки. Еще и беременная была.

– Так ну хватит. Сейчас пойду торт куплю. Чай попьем все вместе.

– Я не против, – улыбается наконец-то.

– Кокосовый? – задаю вопрос, зная, что только этот ей поднимет настроение окончательно.

– Ты же знаешь.

Забираю мою девочку с собой, дедушка уже гремит посудой на кухне, а я укладываю спать дочку, которая, кажется, поддалась настроению и не желает укладываться.

– Ну что такое, Катюш? Не хочешь пропустить отъезд тети, – целую ее в носик. – Ладно, мама тебе разрешает немножко погулять.

Кладу ее в кроватку, потому что она уже свободно вертится по дивану и легко может упасть с него. Оставляю ей рези-

новые игрушки, так как у нас стадия набухших десен и большого слюноотделения. А сама одевшись спешу за сладостями, сегодня можем и потратиться.

По дороге обратно сталкиваемся с мамой.

– Ой Алиса, у меня сердце из груди выскакивает, – восклицает и бросается на мою шею.

– Да я и сама поверить не могу.

– Ой только бы помогли Анечке. Я так волнуюсь за нее.

– Мам, все будет хорошо.

– Я верю, но так боюсь до ужаса. А ты чего, – смотрит на мой пакет.

– Ну не отпускать же ее, не попив всей семьей чай. Даже твоя внучка решила не ложиться спать.

– Эта хулиганка нам еще покажет, – беру маму под руку, и мы вместе идем к подъезду.

– И не говори.

Прощание выходит очень печальным и болезненным. Пока Аню бригада врачей перекладывала, ей было больно. Я все читала в ее глазах, но она не издала ни звука. Только челюсть была напряжена, а руки сжаты в кулаки.

Мама всхлипывала, потому что сдержать слезы ожидания было невозможно никому. Даже дедуля тайком вытирал глаза.

Врачи терпеливо ждали, стоя в стороне, а мы все обнимали и обнимали ее.

– Ну ладно, отпускаяй ма. Раньше уедет, раньше вернется.

– Люблю вас и поцелуйте Катю.

– Держи телефон рядом и звони в любой ситуации, как разрешат воспользоваться мобильным. Я тебе на счет положила побольше денег, мало ли там не будет вай-фая.

– Хорошо. Спасибо, – и она улыбалась до последнего.

Пока каталку с ней аккуратно грузили в машину, пока не закрыли дверь... она улыбалась, как и мы все боясь и дрожа от страха. Мы улыбались, потому что знали, что она слишком сильно любит эту жизнь, чтобы сдаться.

Мы плакали, и я очень надеялась, что это в последний раз.

Повернула голову в сторону и увидела машину Стаса.

Не ожидала его увидеть тут. Не думала, что ему будет важно видеть, что все идет по его плану.

– Мам, дедуль, идите домой, я сейчас.

Дождалась, пока они уйдут и двинулась навстречу мужчине, который вылез из машины и сделал шаг по направлению ко мне.

Глава 7

Стас

Надо ли говорить, что тот вечер после встречи с Алисой я провел в трансе. Странном и непонятном мне.

Запал ненависти и злости пропадал с каждым ее словом или раненным вздохом, а потом я снова вспоминал почему сегодня и в тот миг мы оказались там, где были.

Это ее решение. Это ее выбор. Но где-то внутри есть ощущение, что виновен во всем я один. Откуда бралась эта мысль, я не понимал.

Приехал домой и долго сидел напротив журнального столика, смотря на единственную вещь, которую она оставила уходя.

Резинка для волос. Лимонного цвета. Кислотного такого. Такой я ее видел. Такой след она оставляла каждую нашу встречу.

Я и в дом этот не приезжал ни разу до прошлого четверга, пока не вернулся в город. Он оставался пустым все это время. А недавно я решил выставить его на продажу. Какой смысл оставлять то, что несет в себе большую часть воспоминаний о той, кого я пытался забыть целый год.

С Женей мы живем в квартире. А Алису и ее ребенка я

привезу в снятый на время дом.

Не могу рассуждать ясно обо всем этом. Алиса. Ее ребенок. Я.

Черт.

Не стоило в это все ввязываться. Но если бы не отец, я бы не помог Ане. Эта девочка должна ходить по этой земле, а не лежать в больничной палате превращаясь в сухой цветок.

Время остановилось, телефон разрывался, а я просто сидел и знал, что мне не стоило сюда приезжать и не стоило касаться этой чертовой резинки.

Но я прикоснулся и... откинул ее от себя. Встал на ноги и ушел за дверь. Сел в машину и поехал подальше.

В дороге перезваниваю отцу, который пытался до меня достучаться несколько раз.

– Слушаю.

– Слушаешь? Где тебя черти носят? У нас ужин с Романовым, Женя в слезах звонит и говорит, что ты не перезвонил ей. В чем дело, Стас?

– Ни в чем. Я был занят.

Его злость сквозит в каждом вдохе и выдохе, но он терпит ее и молчит.

– Подъезжай в ресторан, мы уже тут.

– Если речь пойдет о свадьбе я пас.

– Ах ты... Послушай внимательно, мальчишка...

Сбрасываю звонок не желая выслушивать речь, которую знаю наизусть. С шестнадцати одно и тоже.

Невольно мозг подкидывает воспоминания из детства, потому что я не могу вспомнить был ли он когда-нибудь другом?

Словно листаю слайды жизни Багровых, но... Да. Все-таки был. В то время и мама была другой, а потом...

Резко выруливаю, когда встречная машина внезапно меняет траекторию и едет прямо на меня.

– Какого...

Останавливаюсь на обочине, почти слетев с дороги и часто дышу.

– Твою ж...

Вылезаю из машины и смотрю вслед ярко мигающим задним фарам уносящегося седана.

Ни номера, ни опознавательных знаков, кроме марки машины, которых тысячи в этом городе.

Приезжаю в ресторан и заказываю себе холодной воды. В горле по-прежнему сухость и ощущается першение.

Отец Жени и мой смотрят непонимающе, задают вопросы, но я отмахиваюсь.

– Так и будешь молчать? В чем дело? Ты будто убежал от кого-то.

– Пока ехал сюда кто-то выскочил на встречу и топил прямо на меня.

Они оба принимают обеспокоенный вид. Папа задает вопросы о марке и так далее. Романов же предлагает отследить по камерам.

– Не нужно, – отвечает за меня отец. – Мало ли сколько дебилов. Это случайность, ясно же. Да и номеров не было.

– Не исключаю. Может пьяный водитель, или лихач. Благо моя полоса была свободной, и я успел вырулить. Но вы все же по возможности найдите эту запись.

Отец яростно смотрит на меня, но молчит, изображая само спокойствие. Хорошо сегодня без матерей. Такое лицемерие сложно терпеть каждый раз.

Особенно сейчас, когда мама снова бунтует против отца, а я задолбался от их игр в мучеников.

За ужином обсуждаем как обычно бизнес и медленно все перетекает в нашу с Женей свадьбу.

– А вы не думаете, что для начала девушке необходимо родить. И раз она на постоянной основе лежит в больнице, видимо там далеко до нормального состояния?

– Ну она же не будет вечно беременной.

– То есть реабилитация после родов, потому что неизвестно какими они будут, для вас тоже ерунда?

– Стас, ты утрируешь. Мы просто хотим ясность и быть готовыми в любой момент...

– Отец хватит. Ваши намерения нам известны. На этом все. Остальное наше дело. Хорошего вечера.

Встаю из-за стола и ухожу.

Хлопаю дверью ресторана и останавливаюсь на улице.

– Ты что себе позволяешь? – слышу разъяренный голос отца за моей спиной.

– Ты оставил важного собеседника, чтобы покричать на меня?

– Каким был щенком таким и остался.

– Знаешь отец. Ты так старательно от меня открещивался последние десять лет, что не заметил, как остался один. Мама не в счет, ее тоже считай, что нет. И я рад тому, что, умирая, ты будешь сидеть один в комнате и сожалеть о том, что, убиваясь от потери одного сына, потерял в итоге и второго.

Он срывается вперед и бьет кулаком мне в лицо. Хватает за лацканы пиджака в ярости, но молчит. Отрываю его руки от себя и сев в машину уезжаю.

Утром меня будит звонок моего помощника и я, кое-как разлепив глаза отвечаю:

– Да, Костя.

– Доброе утро, Станислав Григорьевич. Готов отчет по клиникам.

– Скоро буду в офисе прочту. Свяжись пока что с ними, узнай в какой минимальный срок они смогут принять девочку.

– Хорошо.

Нехотя встаю и ступаю на беговую дорожку. Сегодня не хочу выходить и бегать в парке.

Пока кофемашина готовит утреннюю порцию кофеина я включаю новости и начинаю недолгую пробежку.

Дальше все по плану: душ, перекус и получасовые пробки.

На работе все спокойно. Просматриваю и выбираю две

клиники из тех, что приготовил на выбор Костя.

– Свяжись с Германией и Израилем, прошерсти отзывы. Только не от сети, а реальные, – даю ему указания.

– Сделаю. О готовности, Германия готова уже послезавтра начать все подготовки. Израиль сегодня. Сначала будут разные диагностики и анализы, а уже после операция.

– Понял, спасибо. Работай.

К обеду у меня на руках были все документы Ани из больницы, где она наблюдалась и все счета за этот год.

– Охренеть просто. Не удивительно, что они накопить не смогли.

Вместо обеда, вникнув в суть написанного лишь частично, даю поручения готовить самолет и все для отлета сегодня. Больше ждать нельзя. Собираюсь и еду к Алисе. Хотя по факту мог бы и позвонить ей, но...

Стою в том же дворе наблюдая, как ее бабушка ходит с выцветшей и весьма старой коляской туда обратно. Хочется подойти и поздороваться, но отчего-то не хватает смелости. Вскоре он уходит, и я вылезаю из машины. Уверен, он скажет ей что я снова тут.

– Да, Костя.

– Я бы посоветовал Германию. Хотя отзывы разнятся. Будет немного дешевле и чуть дольше реабилитация...

– Нет. В Израиль отправим ее. Так что организовывай там все.

– Но зачем? Я думал...

– А я сказал, что Израиль. Завтра чтобы все было готово. Я готовлю самолет через несколько часов. Германия отпала, потому что там менее квалифицированный врач. А мне нужен лучший результат. Все.

Только сбрасываю трубку и слышу ее позади. Значит подслушивала. Мимолетно улыбаюсь, забрасывая подальше эти эмоции.

Предупреждаю Алису о времени и уезжаю. Правда уже скоро возвращаюсь вновь. Не мог не приехать.

Вижу, как родные любя роняют слезы провожая Аню. А потом она смотрит на меня и оставшись одна направляется в мою сторону, впрочем, как и я к ней.

Я не планировал новой встречи так скоро. По факту мог просто забирать ее на вечер и все. Но... Видимо не хотел, раз приготовил уже план и был готов его осуществлять.

Она шла медленно, словно раздумывала на каждым своим шагом, а я только смотрел, пока мы не остановились напротив друг друга.

– Стас, – первой начала девушка, чуть осипшим голосом, – то, что ты сделал для Ани... для... Это... Я тебе очень благодарна. Это бесценно, – выдает сбивчиво, но после усмехается. – Хотя, это имеет конечно свою цену, и я помню про то, что должна сделать. Ты не думай я не пытаюсь улизнуть или... – прокашливается чуть сморщившись, словно ей больно, но продолжает стоять на месте, подняв голову и смотря в мои глаза.

– Алиса... – не знаю, что хотел сказать, но она мне не дала этого сделать, перебив.

– Я просто хочу сказать, что готова к этой игре. Ты ведь за этим приехал? Напомнить мне о моих обязанностях? Давай, я слушаю.

Снова превращается в «большую» девочку разговаривая задрав свой носик. Ладно.

– Приехал я не за этим, но раз ты заговорила, то скорее всего завтра, или на днях, тебя заберет мой водитель. Думаю, вещи можешь не брать, купишь необходимое сразу же.

– То есть... Я не поняла, куда заберет? – хлопает ресницами, округлив глаза.

– А ты решила, что все поверят в то, что моя невеста живет... тут? – обвожу глазами подобие жилья.

Задеваю ее, но она сама не оставляет выбора, выбирая тон.

– А, ну да. Конечно. А когда они узнают, кто я такая, решат, что принц спустился на сотни уровней вниз, к одной единственной. Прямо герой.

– Алиса, – подхожу к ней и предостерегающе сдвигаю брови изображая злость.

Хотя мне было смешно от того, как она храбрилась. В ней всегда была эта черта.

– Соглашусь на этот переезд, как только Аня окажется в Израиле.

Запрокинув голову, смеюсь. Ну что за девчонка.

– Ты сейчас серьезно, Алис?

– Конечно. Не поеду, пока сестра не будет там.

Встаю еще на пол шага ближе и почти шепотом проговариваю на ухо:

– Завтра, окажешься в моем доме, – разворачиваюсь и сунув одну руку в карман брюк ухожу, слыша, как она пыхтит злится. Понимает ведь, что так или иначе придется сделать как я сказал. Потому что Аня уже сегодня в полночь будет в Израиле.

Глава 8

Алиса

Если я и шла сказать ему «спасибо». То очень сильно пожалела о своем порыве. Вот зачем приехал? Поиздеваться снова? Показать кто тут всему голова, якобы я этого не поняла еще?

Нет, я благодарна. Это правда, но ведь мог и по нормальному как-то. Нет же, снова выпятил свое «Я».

Бесит.

Стою смотрю ему в спину желая произнести еще немного фраз в дорогу, но благоразумно молчу, в знак признательности. Я же понимаю, что мы объективно не смогли бы собрать столько денег и организовать как это сделал он, за пару дней.

Понуро опускаю голову и ступаю домой.

Остается одна надежда, что он не будет жить с нами. Иначе... иначе это будет катастрофой для моего сердца.

Стоп! А к себе домой – это куда. Надеюсь, не в родной дом. Видеть его неадекватного отца и мать, которая во мне так разочаровалась. Кажется, вся боль меня ждет впереди.

Звоню старшей смены, чтобы убрать меня с нее. Думаю, мне вообще пора перестать пахать как лошадь.

На пособие для Кати, на зарплату из магазина я вполне

могу жить с мамой, дедом и Аней. Сомневаюсь, что Стас заберет все наши оставшиеся деньги с квартиры. Там сумма немаленькая, но в сравнении с той, что он сейчас отдаст на лечение сестры – это копейки. Еще и в фонд нужно съездить, предупредить о том, что мы отказываемся от помощи в пользу какого-нибудь другого ребенка.

Вхожу домой и вижу маму, которая обеспокоенно ходит по комнате с притихшей внучкой на руках.

– Ма, ты чего? – дочка тут же реагирует и заливисто лепечет что-то, кусая пальчики.

– Ой не могу. Переживаю. А как перелет перенесет? А как все будет? Одна же совсем.

– Ну мам, успокойся, – целую малышку, но не забираю ее с рук. – Я тебе чай сейчас сделаю.

Веду ее на кухню, быстро готовлю напиток и забираю Катю себе.

– Может позвонить ей?

– Так, допивай свой чай и пойдем гулять, пока не успокоишься. И да, я на сегодня отказалась от смены.

– А спина? Как кстати? – проглатываю правду и улыбаюсь ей.

– Нормально, – мне болеть нельзя. Потому что Стас ясно дал понять, завтра начнем играть в «счастье». – Пойду Катю покормлю и одену, пусть с нами воздухом подышит.

– Алис, погоди. Присядь, – усаживаюсь на место и смотрю выжидательно.

– Ты может Стаса на торт позовешь? Спасибо ему скажем, да деньги, которые у нас остались ему отдадим, а то... Мы же... Мы ж не собрали бы никогда, такие деньжища, – плачет и вытирает слезы бумажной салфеткой. – Он же Аню спас.

– Мамуль...

– Чего сопли распустила? Дочка поехала здоровье лечить, а ты, – входит бабушка и тут же садится рядом с мамой.

– Пап, ну ты еще, – отмахивается, отворачиваясь от него.

– Ну чего, Лиза? Радуйся сиди.

– Я и радуюсь, и волнуюсь. Ты будто слезы сдержал.

– Не сдержал. Но я-то от счастья.

– Вот и я от счастья.

– Ладно, пойду дочь кормить. Мам, собирайся пока что.

– А меня с собой не возьмете? – стучит пальцами по столу.

– А как же без любимого дедули, – Катя счастливо пищит, обсасывая свои пальцы, и мы начинаем смеяться.

Сестра позвонила рано утром, разбудив весь дом. Точнее разбудила она меня сначала, а я побежала к маме и бабушке поставив звонок на громкую связь.

Она готовилась к долгой подготовке, которая включала в себя анализы и разные проверки, типа МРТ, так кажется называется, когда смотрят человека насквозь. Врачи хотели понять, где именно находится осколок и сдвинулся ли он за год.

Она улыбалась, и мы вместе с ней. Счастье и волнение сплетались вместе, поэтому напряжение удавалось сбить

лишь шутками.

– Доченька, дай Бог чтобы все прошло успешно. Мы тебя очень любим и ждем домой, сильную и здоровую.

– Все внуч, держись там. А мы за тебя помолимся.

Катя что-то лепетала, пытаясь отобрать у меня телефон.

– Это твоя племянница видимо присоединяется к нашим пожеланиям. Все будет хорошо, сестренка. Скорее возвращайся к нам.

Звонок был сброшен, а мы так и сидели все вместе на диване в гостиной.

Потом мама зашевелилась на работу, дедушка за свежей газетой, а я ушла с дочкой в комнату сестры, где сегодня ночевала.

Проводила чуть позже маму и принялась за уборку, пока Катя «гуляла» в кроватке играя с игрушками.

Убрала все в спальне Ани, не зная, как быть с многочисленными лекарствами. Но решила оставить пока что все в шкафу. А так, планировала сюда маму поселить на время.

За всеми делами не заметила, как настал обед. Сварила суп, а на второе рис с купленными котлетами. Обычно у нас либо первое, либо второе, а сегодня пусть будет так.

Накрыла дедушке на стол, а сама собралась с малышкой потеплее и пошла гулять.

Собиралась уже заходить, как во двор въехала темная иномарка, а из нее вылез блондин, чуть выше меня ростом.

– Алиса Хрупова? – ну начинается.

– Здравствуйте, да.

– Добрый день. Вы уже собраны? У нас много дел. Я приехал по поручению, Станислава Григорьевича. Сначала заедем в магазины и закажем одежду вашего размера, на выход и для дома, – тараторит, выдавая сухую и немного странную информацию. – Так же мебель в детскую. Или предпочитаете онлайн шопинг?

– Чего? Какой еще шопинг? – отмираю наконец.

– У вас пятнадцать минут. Возьмите документы и важные вещи, остальное можете оставить тут, – будто не услышал меня продолжает.

– Вы что робот? Я не могу взять и просто уехать. Мне нужно поговорить с родными и...

– Станислав Григорьевич предупредил вас об отъезде вчера. У вас были сутки, – ровным тоном отвечает мужчина.

– А позвоните-ка вашему Станиславу Григорьевичу, я сама ему скажу нечто важное.

– Не положено.

– Мне положено. Я не сдвинусь с места и на миллиметр, если вы не позвоните Багрову, – складываю руки на груди и выжидательно смотрю в глаза в глаза.

Мужчина в общем-то быстро сдается ехидно хмыкнув, что мне не понравилось. Но вытащил телефон и сразу же набрав Стаса дал трубку мне. И по ответу его, я поняла, что такой вариант событий он и ждал.

– Да Алиса, привет.

– Стас, я же сказала...

– Что, когда Аня будет на месте ты пойдешь на сотрудничество, – не выслушав говорит. – Она прибыла в клинику больше двенадцати часов назад. А я жду, когда ты сядешь в машину без разговоров. Но ты же не могла так сделать не так ли?

С явной издевкой задает вопрос.

– Но я не могу вот так просто взять и бросить все. Мне нужно поговорить с мамой. Дедушкой. Собраться и... – сдаюсь моему разуму, потому что я знаю, что неправа сейчас. – Стас, пожалуйста, дай мне немного времени, хотя бы пока мама не вернется с работы.

Мужчина замолкает, видимо размышляя над моей просьбой. Я понимаю, что для него это такая наглость от меня, но мне правда нужно поговорить с родными, я же до последнего не думала, что он всерьез.

– Стас...

– Во сколько приезжает твоя мама с работы?

– К пяти обычно дома. Если не пробки, например или...

– К шести будь готова, Костя будет ждать ровно пять минут. После придет за тобой и ребенком сам.

Неожиданно. Мне показалось, что время и мой поступок сделали его совсем бессердечным. Хотя чего стоил его поступок в ситуации с сестрой. Видимо эта погрешность только на меня срабатывает. Да и слишком большое значение я решила выделить для себя в его жизни, раз у него за этот год

появилась невеста, которая... Только не плакать!

– Спасибо тебе за... – но в трубке слышались гудки.

Что ж, мы ведь не друзья. Вот только сильно покалывает слева. Слишком часто стучит.

Отдаю трубку парню, который самодовольно смотрит.

– Что?

– Ничего.

– В шесть приезжайте.

Разворачиваю коляску и иду в противоположную сторону от него.

Машина уезжает со двора, а я не тороплюсь уходить домой. Весь год я только бежала и бежала, а сейчас, когда Аня на пути к выздоровлению, мне пришлось остановиться и... мне не нравится то, что я увидела.

Я пытаюсь не углубляться в произошедшее тогда с нами, но ведь это невозможно сделать, если рядом всегда будет он. А может не всегда будет?

Играть его невесту то еще испытание, но разве это цена за то, что моя сестренка сможет жить спокойной здоровой жизнью. Бывают предложения и по хуже.

И все-таки в голове всплывают наши моменты разделенные на двоих. Страсть и любовь, что мы успели подарить в те короткие мгновения, но настолько драгоценные моему сердцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.